

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Екатерина КАЗАКОВА,
Алена ХАРИТОНОВА

ЖНЕЦЫ СТРАДАНИЙ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К14

Серия основана в 2004 году
Выпуск 547

Художник
С. Дудин

Казакова Е. В., Харитонова А.

К14 Жнецы страданий: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1854-1

Их называют Ходящими В Ночи. Кто они? В прошлом все до единого — люди. Но сейчас каждый из них — смерть. Волколаки, кровососы, вурдалаки... Они выманивают жертв из жилищ, чтобы насладиться вкусом их плоти и сделать похожими на себя. Лишь одно мешает обрести чудовищам безграничную власть — Цитадель. Старинная крепость, в которой обучают детей, осененных особым даром — Даром уничтожать Ходящих, упокаивать мертвецов, исцелять раненых. Они — щит, отгораживающий живых от порождений Ночи. И из всех прав им оставлено только одно — право умереть, спасая жизни других.

Хотят ли трое юных главных героев взвалить на себя такое ярмо?

Нет.

Могут ли отказаться?

Увы.

Но там, где не остается места страху, жалости и сомнениям, есть только один путь — путь к спасению.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Казакова Е.В., Алена Харитонова, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1854-1

Авторы выражают глубочайшую благодарность за чуткость, советы и бесценные замечания своим френдам с СИ: лучшему критику и бэте на свете — Лене (Chalcy), лучшему поэту, сочинившему песню для книги, — Ашвине, лучшему стратегу, консультанту и внимательному читателю — Алексею Ильину, лучшим поддержателям, неунывателям и ловцам стилистических блох — Галинке (Qweqweqe), Лизке и Жанне, лучшему сомневателю и вопрошателю Fob'у.

Друзья, спасибо!

Без ваших вопросов, подсказок, помощи и поддержки эта книга многое бы потеряла.

P.S. А Elm'у просто передаем привет.

ПРОЛОГ

Хорош выдался цветень — первый месяц лета! Дивно хорош. Теплый, погожий. Ненастные дни по пальцам пересчитать можно. Нынешний же и вовсе был на загляденье. С утра пролился стеной дождь. Прибил пыль, вычернил могучие бревна тына и тесовые крыши изб, оставил на тропинках блестящие лужи. А после солнышко выглянуло. Тепло!

Во дворах веси еще царила тишина, но уже тянулся над поселением дым очагов — скоро возвратятся с лова охотники, молодежь придет с репища, дети из лесу. Тогда и оживет деревня; рассыплется тишина на голоса, смех, визг, крики и радостный собачий лай.

Летние дни — длинные, светлые. Ночь на порог едва ступит, едва крылья свои черные над миром раскинет, а утренняя зорька ей уже в затылок дышит. Всегда бы так...

Дед Врон, опираясь на крепкую клюку, сошел с крыльца и поковылял к скамье, устроенной нарочно для него в тени старой яблони. Здесь старик тяжело сел, прикрыл воспаленные глаза и подставил морщинистое лицо щедрому солнцу.

Хлопнула дверь избы. Во двор кубарем выкатилась девчужка весен восьми. Путаясь в подоле рубашонки, она подлетела к блаженствующему старцу и, сиюсь казаться взрослой, проворчала:

— Ты, дедунь, долго не сиди. А то стемнеет скорехонько. — Накинула на согбенные плечи старика душегрейку и упорхнула обратно в дом.

— Егоза, — с затаенной нежностью прошептал вслед внучке Врон и вздохнул, когда подумал о том, что не увидит уж ему, как придут за Зорянкой сваты. Не доживет.

Ветер ласково перебирал седые волосы. В яблоневых ветвях свиристела птица, хрипло прокричал петух. Хорошо...

Скрипнула калитка. Дед открыл слезящиеся глаза, очнувшись от стариковской дремы. На двор с улицы зашел соседский парень. Молодой. Да только ноги едва переставлял. Горбилась некогда прямая спина, в смоляных волосах серебрилась седина. И глаза потухшие.

— Здоров будь, Острикович, — негромко молвил вошедший.

— И ты будь крепок, Каред, — ответил старик и подвинулся на лавке. — Садись. Что? Томно тебе?

Гость опустил на скамью и кивнул.

Врон посмотрел на него с жалостью.

Уж полгода миновало с той поры, как заплутал Каред во время охоты в лесу и не смог вернуться в деревню засветло. Как голосила тогда его мать, как билась в избе, как причитала! Единственного сынка забрала проклятая Ночь, единственного мужчину украла из дома.

Едва рассвело, всей деревней отправились на поиски, хотя знали — найти не удастся. Так и вышло, на охотничьей заимке парень не ночевал. И куда делся, не хотелось даже гадать. Но седмицу спустя вернулся. Приди он ночью, не пустили бы, но Каред явился белым днем. Первым заметила усталого путника вездесущая ребятня и с визгом кинулась по дворам — хорониться. Лишь мать не побоялась, выбежала навстречу и повисла на шее, рыдая и причитая.

Вот только как мертвый был сын. Ничего не говорил, смотрел в пустоту и стоял, опустив руки плетью вдоль тела. Зазвали его в дом к знахарке. Та оглядела несчастного, но не нашла ни единой раны на белом теле, ни единого синяка. Лишь деревянный оберег, висящий под рубахой на шнурке, был словно изгрызен чьими-то острыми зубами.

Сколько ни спрашивали парня, не говорил тот ни слова. Бедную мать отговаривали пускать его в дом, но та заупрямилась, мол, лучше всей семьей сгинем, чем родную кровь оставлю ночью за порогом.

Но не сгинула семья. Мало-помалу вошел Каред и в ум и в память. Но что случилось с ним в ночном лесу, так никому и не

рассказал. Однако с той поры словно погас жизненный огонь в молодом, крепком и прежде смешливом парне, первом женихе деревни. Ходил он теперь, едва волоча ноги, и ни к какой работе не был способен — не держали некогда сильные руки ни топор, ни плуг, ни рогатину.

Говаривали, будто парень скаженный, мол, зачаровал его кровосос, и не будет теперь горе-охотнику ни жизни, ни радости, пока не скинет он с себя злое колдовство или пока не возьмет себе Ходящий в Ночи новую жертву.

Ах, как перепугалась весь! Едва солнце к горизонту начинало клониться, все по избам хоронились. Но прошло уже полгода с той поры. Люди в веси, хвала Хранителям, не пропадали. Кареду делалось то лучше, то хуже, да только прежним он, все одно, не стал.

— Муторно мне, дедушка, — сказал наконец парень, с трудом выталкивая слова. — Страшно...

Врон помолчал, раздумывая о чем-то своем, а потом заметил:

— Ты допрежь трусом не был.

— Не был... — негромко произнес скаженный. — Но допрежь так не боялся. Страх побеждать умел. А теперь разучился. Видать, слаб сделался.

Врон улыбнулся.

— Будь страх противником легким, ни одного труса бы на свете не осталось. Дык ведь только страх, Каред, человеку не просто так даден. Хранители не зря упредили, что любая живая тварь бояться должна. На пользу. Но есть страх стыдный, а есть простительный.

— Как это? — без всякого интереса спросил парень.

— А так. Вот нежити ночной бояться стыдно? Нет. Как же ее не бояться, ежели человек с ней совладать не умеет? А поступков дурных стыдно бояться? Тоже нет, ибо какой это страх? Это совесть наша тревожится. А пройти мимо слабого, побоявшись его защитить? Стыдно? Еще бы! А самому слабость явить? То-то. Видишь, сколько их — страхов разных. И все со смыслом. Так что не всякий перебарывать нужно, а лишь тот, который человека гаже делает.

Согбенный парень грустно усмехнулся и сказал:

— Просто у тебя все, дед. Как в басне. Только не так-то это легко — перебороть.

Его собеседник кивнул:

— А ты как думал? Победить всегда трудно. На то мужество надо. А мужество только от любви прибывает. Любовь — сила полноводная. Ради нее лишь страхи забывают. Она и душу исцеляет... Так-то.

Каред слушал старика и глядел в пустоту. О чем он кручился? Поди угадай. Но уже к ночи пропал парень бесследно, и не нашли его ни на следующий день, ни через седмицу. Только горько причитала мать и плакала Зорянка, которой обещал он смастерить соломенную куклу...

1

Зима в этом году стояла холодная и снежная. Поутру, пока от дома до ворот тропинку расчистишь — замаешься. А стужа такая, что дыхание перехватывает!

Лесана возвращалась от колодца с двумя полными ведрами, вода в которых уже начала схватываться ледком. Ветер дул в лицо, мешал смотреть, обжигал щеки.

— Дай помогу!

И ведра, только что такие тяжелые, вдруг сделались невесомыми. Девушка оглянулась, с трудом разлепила смерзшиеся ресницы.

Высокий широкоплечий парень в овчинном тулупе перехватил ношу и улыбнулся. Лицо у него было круглое, курносое, простое. Самое лучше в мире лицо! Лесана зарделась. Мирута давно запал ей в сердце. А она нравилась ему. И весной, возможно, он придет со сватами. Нет, не «возможно», точно придет! От этой мысли на душе становилось тепло-тепло, и даже обжигающий ветер не мог загасить горение сладкого пламени.

Шли молча. Да и о чем говорить? Все они друг о друге знали. Он — сын кузнеца, она — дочь гончара. Не самая завидная невеста, чего уж душой кривить. Семья не шибко богата, скотины в доме немного, зато детей — семеро по лавкам. И она, Лесана, самая взрослая. Была у нее сестра, летами старше. Но вот уже четыре года как пропала Зорянка. Вечером, в прозрачных осенних сумерках, провожал ее жених до дома. Всего-то и надо было пройти от одного двора до другого. Так оба и сгнули. Искали их наутро, звали, кричали, надеялись, что спасли несчастных деревянные ладанки-обереги. Но нет. Только собаки беспокоились и выли...

Вызвал тогда деревенский староста обережника, чтобы защитил поселение от возвращения влюбленных. Недешево обо-

шелся охранительный обряд, так недешево, что не сыграли в тот год ни одной свадьбы — не на что было пиры пировать, едва дотянули, перебиваясь с овса на полбу, до нового урожая.

А Лесана до сих пор помнила колдуна — высокого бледного мужика, облаченного в серую, как дорожная пыль, одежду. Он тогда посмотрел на ревущую в три ручья девочку таким холодным и неживым взглядом, что у нее подкосились ноги. И думать забыла рыдать. Хотя как не плакать, когда родная сестрица вместе с женихом обратилась в нежить и в любой миг может возвратиться на родимый порог — стонать, скрестись под окнами, смеяться диким смехом или со слезами звать родичей, чтобы выглянули из избы.

Зато после обряда, проведенного наузником, в деревне стало спокойнее. Теперь бережный круг, очерченный вдоль тына, берег от нечисти все поселение. Даже впотьмах можно было выйти во двор, а то и дойти до соседнего дома. Конечно, по-прежнему мало кто осмеливался нос из дому в сумерках высовывать, но все равно так было спокойнее.

Мирута — из всех храбрецов на деревне первый — рассказывал Лесане, как ночью с друзьями на спор ходил аж до самого колодца! И, хотя сердце едва не выскочило из груди, никто парня не тронул, но он клялся, будто слышал Зорянкин голос, зовущий из-за тына. Отец тогда надавал ему подзатыльников и целую седмицу не выпускал из кузни, работой выбивая из бестолкового дурь. Ибо все знали — не спасет охранное заклятие, если поманит жертву лишаящий разума зов Ходящего. Добро, коли висит на шее оберег заговоренный. Но иным храбрецам, бывало, просто хватало услышать голос, взывающий о помощи. Такие сами выбегали к кровожадному волколаку и становились добычей.

Да, всякое случалось. Потому каждый знал: с наступлением ночи, если хочешь остаться в живых, из дому — ни шагу. Богат ты или беден, но серебро на защитный талисман-оберег для жилья отыщешь. У кого достаток позволял, те заговаривали целые подворья. Если же беден был человек, накладывал он заклятие всего лишь на дом, но дом этот делался укрытием и для скотины (если имелась таковая), и для людей.

Когда у отца дела шли совсем плохо или когда год был неурожайный, засушливый, в доме Лесаны теснились за перегородкой и корова с теленком, и коза, и десяток кур. Никуда не денешься.

То ли дело семья Мируты! У них у каждого есть дорогой оберег-ладанка на шее, заговоренный на защиту от зова Ходящих не на год, не на два, а на целых пять лет. И кузня, и дом, и все подворье их осенены особым наговором.

А вот у соседей, бондарей с окраины, денег не водилось; поэтому, когда померла в семье бабка, не на что было пригласить колдуна — отшептать покойницу. Похоронили ее за буевищем, ибо знали — поднимется.

Так и случилось. Встала старая через два дня и несколько седмиц ходила вокруг деревни, скрежещущим голосом звала сына. Пришлось тому продать корову, чтобы утихомирить мать. Но долго еще малые дети в доме бондаря кричали во сне, все казалось им — скребется бабушка в дверь, хочет войти и загрызть.

Чего только не бывало. Да.

Думала обо всем этом Лесана, идя к дому, а рука сама собой тянулась к ладанке, висящей на шее под исподней рубахой. Ни у кого в ее семье не было такой. Заговоренной от зова кровососа. Этот оберег подарил Мирута на праздник Первого снега.

Но вот и родные ворота. Девушка остановилась и обернулась к провожатому. Тот нес огромные ведра без малейшей натуги и смотрел счастливыми глазами на шагающую впереди подругу. Хороша была дочка гончара! Русая косица толщиной в руку спускается из-под платка на спину, щеки и нос на белом лице полыхают отчаянным морозным румянцем, но синие глаза под белыми от инея ресницами смотрят открыто и прямо.

— Давай, — протянула она руки в меховых рукавичках, собираясь забрать у парня ведра.

Тот покачал головой и поставил тяжеленные бадьи в снег у тропинки.

Девушка залилась краской, но молодого кузнеца это не смутило. Он зажал малиновую от смущения пригожую спутницу между сугробом и забором и знай себе целовал, пользуясь тем, что от сторонних глаз их прятал опушенный снегом куст калины.

Наконец задыхающаяся Лесана вырвалась, толкнула ретивого ухажера и подхватила ведра.

Мирута засмеялся, глядя, как улепетывает от него застенчивая краса.

— Скажи отцу, едва снег сойдет, сватов пришлем! — весело крикнул вслед.

А девушка хлопнула тяжелой створкой ворот и с обратной стороны привалилась к ней, силясь совладать с дыханием и пряча пылающее от счастья лицо в ладони. Скорей бы!

Долгожданная весна выдалась унылая и затяжная. Проклятые сугробы никак не таяли!

И хотя люди уже давно сменили овчинные полушубки на легкие свиты, ноздреватый снег еще лежал плешинами то тут, то там, а дни тянулись серые, ветряные, пахнущие прелой обнажающейся землей.

Гончар ждал сватов, досадуя. Весенняя свадьба голодная. Старый урожай почти подъели, а новый еще не засеяли. То ли дело осень! Но кузнецову сыну, похоже, страсть как хотелось обневеститься. И только будущая молодоженка ходила счастливая. Ей-то с родительского двора упорхнуть хотелось, чем быстрее, тем лучше.

...Нынешний день — первый за все предыдущие седмицы — выдался солнечным, радостным. Впервые весна не блазилась, а въяве пришла. Лесана убиралась в хлеву, когда услышала оживленные крики с улицы. Неужели? Вот так, без предупреждения? Страх, замешанный на волнении и предвкушении, стиснул трепещущее сердце. Наконец-то!

Счастливица метнулась прочь из стойла, сжимая на бегу деревянный оберег — главное свидетельство любви Мируты. Но оказалось, то были не сваты.

Когда девушка выглянула за ворота, по улице неспешно ехал незнакомый всадник в черной одежде. Серый в яблоках конь степенно шагал по раскисшей дороге, а рядом, торопливо кланяясь, семенил староста. Диво! С чего бы чужаку такая честь?

Но тут порыв свежего весеннего ветра сорвал с путника капюшон, открыв пепельноволосую коротко стриженую голову. Крефф! Да неужто? Как есть — обережник из Цитадели! Вон, и меч видать! Приехал искать выучей. Лесана зачарованно смотрела в спину удаляющемуся чужину.

Уже к полудню весть о приезде посланника Цитадели разнеслась по всему поселению. В воздухе повисло ожидание. Велика будет честь для деревни, если крефф найдет здесь осененного Даром и заберет на обучение. Обережники Цитадели становились либо колдунами (достаток на всю оставшуюся

жизнь!), либо целителями (и эти не бедствовали), либо ратоборцами (жизнь у них суровая и короткая, но сытная).

А уж если чадо науку примет да опоясано будет, то поселение его сможет Осенним платить только половину куны. Счастье! Но в Лесанину весь крефф приезжал последний раз пять лет назад и уехал ни с чем.

На утро следующего дня всем было велено явиться к дому старосты и привести с собой детей. Семья гончара Юрдона тоже собралась. На диковинного гостя посмотреть было интересно, но живущая ожиданием невеста о нем думала меньше всего. Снег почти сошел. Скоро постучатся в ворота сваты кузнецов. Сердце сладко замирало, и до всего остального дела не было.

Солнце клонилось к закату, когда настала очередь Лесаниной родни показать детей заезжему страннику.

Крефф сидел у печи, прижавшись спиной к теплomu камню. Девушка даже удивилась — вроде не старый, а лицо не то что уставшее, но какое-то... Она не могла объяснить. Мужчина оказался ладен и крепок. Не такой дюжий, как Мирута, но куда там кузнецу даже с его пудовыми кулачищами против такого!

Жесткое лицо, заросшее колючей щетиной, было лишено всякого выражения, а в глазах... в глазах пустошь мертвая. Никогда допрежь Лесана не видела такого тяжелого взгляда. Не отражалось в нем ни чувств, ни искорки веселья, ни любопытства, ни усталости, ни раздражительности. Ничего. И были глаза, без всякого выражения смотрящие из-под черных прямых бровей, такими же серыми, как весеннее небо. И такими же холодными. А правую щеку креффа уродовал белый рубец рваного шрама.

Взор обережника скользил по лицам меньших Лесаниных сестер, но вот остановился на самой девушке... и вдруг в тишине дома прозвучало негромкое:

— Подойди.

Дочка гончара застыла от ужаса, решив, будто крефф умеет читать мысли и сейчас пристыдит ее при всех, что осмелилась задумываться о выражении его глаз и уродстве лица.

— Сколько тебе весен?

Несчастлиная молчала, не в силах выдать ни звука.

— Ты немая?

Девушка отчаянно замотала головой, понимая, что не может сказать ни слова.

— Господин, она сробела, — вступился отец, но его замечание не было удостоено ответа.

— Итак, еще раз. Сколько тебе весен? Сговоренная?

Проглотив застрявший в горле ком, бедняжка наконец ответила:

— Семнадцать. Нет. Не сговоренная.

— Я просил подойти.

Ой! Она шагнула вперед. Почему-то показалось, что идти приходится через сильный ветер, будто невидимая упругая стена мешала сделать шаг. Лесана собрала в кулак всю волю, перебарывая диковинную преграду.

В серых глазах промелькнуло неожиданное удовлетворение.

— Ты когда-нибудь дралась? — последовал неожиданный вопрос.

Она снова кивнула, не чувствуя в себе сил на ответ. Взор равнодушных очей обратился на гончара.

Юрдон моргнул, не понимая, к чему такие расспросы, и покаянно ответил:

— Господин, она спокойная девка, но пару раз сцеплялась со здоровыми парнями.

Та, о которой шла речь, потупилась. Ей ли — невысокой, мягкой, словно шанежка, с нежным румянцем на лице и белой чистой кожей — славиться, как задире? Таким более пристало у окна с вышиванием сидеть и визжать до звона в ушах при виде мыши. Но ведь и правда, однажды на ярмарке в соседнем селе сцепилась с незнакомым мужиком, который пытался подрезать у матери кошелек. Кто бы мог подумать, что пятнадцатилетней девчонке достанет сил не только метнуть вора на землю, но и ударить так, чтобы сомлел и в себя пришел лишь после ведра воды, вылитого на дурную голову.

А второй раз... Второй раз она наказала Мируту, когда он, медведище, полез на сиделках ее потискать. А что? Ростом невелика, но женской статью вышла. Тогда-то и проучила девушка будущего жениха, наотмашь ударив кулаком по лицу. Как только зубы целы остались. И в тот памятный день впервые дюжий кузнец посмотрел на нее с восхищением.

Тем временем крефф оглядел смущенную девку и сказал:

— Эта.

Слова камнем упали в тишину горницы. У Лесаны сердце ухнуло в живот, а потом подпрыгнуло к горлу. Как «эта»? По-

чему? Да никогда у нее не было способностей к колдовству! У нее свадьба скоро, она сватов ждет!

— Выезжаем завтра на рассвете.

Родители и сестры в немом изумлении уставились на будущую выученицу Цитадели. А та стояла и чувствовала, как раскачивается под ногами дощатый пол.

Из дома старосты девушка вышла, словно во сне. И очнулась лишь в родной избе, когда мать, причитая, начала собирать вещи в лубяной короб. Только здесь несостоявшаяся невеста горько расплакалась, повалившись на лавку. Тут же заголосила и родительница, а следом вразнобой отозвались молодшие.

— Хватит вам убиваться, как по покойнице! — рявкнул отец, старавшийся скрыть растерянность за суровостью. — Не на смерть отдаем, на учение. Глядишь, воротится лучше, чем была. Не реви. На золоте есть и спать будешь, дуреха. Такая честь тебе выпала.

Увы! Дочь не слышала этих мудрых увещеваний. Уткнувшись лицом в ладони, она продолжала рыдать, но плакала не оттого, что придется ехать далеко от дома, к чужим людям, да на несколько лет. А оттого, что был у нее Мирута, расставание с которым казалось не пыткой даже — смертью. Как случилось так, что вся упорядоченная и размеренная жизнь вдруг развалилась на обломки?

Приехал бы этот крефф на год раньше, так девушка от гордости лопнула бы, что он ее выбрал. Но нет, принесла его не легкая сейчас, накануне сватовства. И не ехать нельзя. Слово Осенного — закон. Откажешь — ни один обережник ни за какие деньги не придет на помощь веси, хоть золотой дождь на него обрушь. Поэтому не могла Лесана даже и возмутиться. Оставалось только плакать и собирать в кузов вещи — единственное, что на чужбине напомнит о доме.

А Мирута не пришел. Когда он узнал о том, что любимую забирают в Цитадель, за окнами уже стемнело.

Они выезжали рано утром. Мужчина на сером коне и девушка на пегой кобылке, которую креффу продал за две серебряные куны староста.

Солнце светило ярко. Весна, похоже, утвердилась, завладела миром, и скоро на смену месяцу таяльнику придет зеленник — с первыми нежными, клейкими листочками. Сквозь слезы будущая выученица смотрела на толпу провожающих.

На улицу высыпала вся деревня. Многие поглядывали на старшую Юрдоновну с удивлением, но во взглядах большинства читалась зависть.

Да чему тут завидовать-то! Едва исчезнет «счастливица» за поворотом, как все вернутся к привычным заботам, в родные избы. Обедать сядут в том же кругу, что всегда, и спать устроятся, где привыкли. А что ждет ее? Где преклонит голову? Чем утолит голод? В чем найдет утешение? Да и найдет ли? От тоски и острой обиды, что ничего уже в жизни не будет так, как прежде, захотелось расплакаться, но в гортани стоял жесткий ком — не раздышишься.

Подошел Мирута, смущаясь столпотворения, неловко, как-то наспех, обнял и отстранился. Лесане сделалось обидно, но ведь сватов он прислать не успел, потому и впрямь стыдно было обжиматься на глазах у всех.

Крефф терпеливо ждал, когда соотчици попрощаются с девушкой, но по скучному лицу становилось понятно: лучше с расставанием не затягивать.

Мать обнимала дольше всех. Припала к дочери и заплакала — горько, безутешно. Как ни держалась Лесана, а в носу сразу же защипало и щеки мигом стали мокрыми.

— Пора, — оборвал поток рыданий спокойный голос креффа.

Кое-как его спутница высвободилась из кольца ласковых рук и забралась в седло. Тронула поводья, и кобылка послушно двинулась вперед по дороге. Лесана оглянулась. Родители, прижавшись друг к другу, словно в томительной скорби, медленно шли следом, а за ними, держа за руки ревуших молодых, брела сестра.

Но вот крефф стегнул пегую кобылку по крупу, и та перешла на резвую рысь. Родной тын стал быстро отдаляться, и последнее, что увидела девушка, прежде чем дорога сделала крутой поворот — маму, прячущую заплаканное лицо на груди у отца. А потом все скрыли голые черные деревья.

Долгий путь Лесане почти не запомнился. Мелькали стволы сосен, пахло землей и влагой, в угрюмых черных ельниках кое-где еще виднелись грязные корки лежалого снега, но ветер был теплым и солнышко пригревало. Девушка ехала молча, и спутник ее не собирался завязывать беседу. Остро переживающая разлуку с домом, дочка гончара не терзалась ни голодом, ни жаждой. На душе было пусто, и всякая мысль, казалось, может породить только гулкое эхо и ничего больше. Но вот

крефф придержал коня, и Лесане пришлось последовать его примеру.

— Что? — спросила она и с ужасом увидела: солнце клонится к закату.

Скоро ночь, а вокруг непролазная чаща и ни заимки, ни избенки, ни землянки с обережными знаками!

От страха свело живот.

Мужчина тем временем неторопливо спешил и шагнул в сторону раскинувшегося у дороги березняка. Спутница последовала его примеру и, схватив лошадку под уздцы, поспешила следом.

Ей было страшно. Хотелось забиться куда-нибудь под кочку, стать маленькой-маленькой и затаиться до утра, трясясь и обмирая. Ночь! И нет крова, под которым можно укрыться!

Тем временем крефф невозмутимо снимал с коня поклажу, расстилал на земле толстый войлок, готовился развести костер. Он что же, собирается ночевать под открытым небом?

— Господин, — тряским от почтения и страха голосом осмелилась спросить девушка, — мы разве не будем искать, где спрятаться?

Он покачал головой, не считая нужным отвечать.

У Лесаны засосало под ложечкой. Она была испугана, чувствовала себя глупой и жалкой. Пока обережник обустраивал ночлег, девушка непослушными от волнения руками готовила себе ложе. Сумерки напоззали медленно, но несчастной уже казалось, что чаща наполнилась звуками дикой жизни — где-то стонало, рычало и ухало.

— Господин...

Он прервал ее:

— Если тебе дали в дорогу еды, доставай и ешь. Если надо в кусты — иди, но быстро.

Она покраснела, однако поспешила прислушаться к этому своевременному совету. Когда же дочка гончара вернулась к костру, ее спутник лежал, вытянувшись на войлоке, и отдыхал.

Впервые Лесана подумала о том, что ему, должно быть, мало радости скитаться по деревням и собирать вот таких, как она — дрожащих жалких девок, боящихся каждого шороха. Нешто это жизнь — трястись день и ночь в седле, объезжая отдаленные поселения, ночуя каждый раз в незнакомом месте? Она не представляла себе такого бытья, и потому пожалела молчаливого странника.

Открывая берестяной кузовок с лепешками и вдыхая сдобный сытный запах, девушка задумалась: а был ли у креффа дом? Жена, мать, дети? Кажется он совсем одиноким. Лесана поднялась на ноги и подошла к спутнику.

— Угощайся.

Он по-прежнему молча сел, взял две лепешки, кусок мяса и неторопливо принялся есть.

Сотрапезница исподволь за ним наблюдала. Она не видала еще подобных людей — молчаливых и с таким остановившимся взглядом, по которому не поймешь, о чем сейчас думает его обладатель. Девушке захотелось подружиться со своим странным спутником. Ну неразговорчивый, и что? Из дядьки ее тоже двух слов за седмицу не вытянешь, но ведь человек он хороший. Просто неболтливый. Так, может, и этот такой же? Ведь за что бы ему ее не любить? Верно, не за что.

— Когда мы приедем в Цитадель? — тихо спросила Лесана.

— Через шесть дней, — последовал равнодушный ответ.

Шесть дней! Так далеко!

— Ты наелся?

— Да. Пора спать.

Подзабытый ужас вновь скрутился в животе тугим узлом. Лесана огляделась, с опозданием понимая, что сумерки сгущаются.

— Господин, как...

Он поднялся. Не обращая внимания на жалкий лепет, достал из-за пояса нож с длинным острым клинком и полоснул себя по ладони.

Девушка ахнула и закрыла рот руками. Крефф что-то беззвучно зашептал, обходя место привала по кругу и кропя землю. Когда обережник приблизился к своей трясущейся от ужаса спутнице, той показалось, что он хочет порезать и ее. Лесана сжалась на ложе, однако выставила перед собой дрожащую руку с розовыми следами сошедших мозолей. Но колдун резать длань не стал, наклонился к подопечной и, обмакнув палец в кровь, начертал под зажмуренными глазами две резы.

— Сейчас высохнут, и можешь спать.

Девушка кивнула, ничего не спрашивая. И так все поняла. Обережник творил охранное заклинание, чтобы к их маленькой ночевке не вышли обитатели Ночи. Но Лесане стоило огромных трудов сдерживаться, чтобы не извергнуть из себя недавнюю трапезу.

— Господин, разве *они* не придут на запах крови? — несмело поинтересовалась будущая выученица.

Хотелось услышать живую речь, чтобы удостовериться — с ней рядом по-прежнему человек, а не клятый Встрешник, который будет пострашнее Ходящих в Ночи.

— На запах этой — нет, — ответил тем временем ратоборец, перетягивая ладонь чистой тряпицей. — Кровь обережников защищает Дар.

Собеседница успокоилась. Голос мужчины был невозмутим. Похоже, спутник не злился на ее любопытство и неловкость. Да и остатки здравомыслия подсказывали девушке — крефф знает, что делает. Однако спать ночью под открытым небом все равно было страшно... Порядком перетрусившая, она легла, накрывшись с головой плащом, и смежила веки.

Вот пройдет пять лет, и можно будет вернуться в родную деревню. И не просто вернуться! А Осененной — той, которой станут нипочем волколаки, упыри и кровососы. Как будут завидовать ей! Как начнут уважать! Была всего-то Лесанка — дочка гончара, почти голытьба, а станет... Кем она станет? Лучше бы, конечно, колдуньей. Как будет гордиться Мирута!

И тут ведром студеной воды обрушилось запоздалое понимание: пять лет. Пять! И несчастная наконец поняла: не будет гордиться ею Мирута. Потому что не проходит завидный жених бессемейным такой срок. Глупая! Нешто станет молодой красивый парень год за годом ждать возвращения девки, которую только и поцеловал несколько раз?

Нет! Он не такой! Конечно, станет! И Лесана крепче стиснула деревянный оберег, подаренный суженым. Он дождетса, обязательно! Но горячие слезы текли и текли по лицу. Девушка смахивала их, размазывала ладонями, подавляя рыдания.

Уставшая от тягостных дум, плача и долгой езды верхом, она провалилась в сон, даже не успев испугаться сгустившейся вокруг темноты.

Проснувшись же от того, что стало холодно. Сквозь сон подумалось — поди, опять одеяло на пол сползло. Но горячую кожу обжег холодный ветерок, и девушка вспомнила, где она и с кем, с ужасом вскинула голову и... обомлела.

Хранители пресветлые! Что это? Несчастливая поняла: она стоит на грани света и тьмы и тянет руки в сумрак леса, откуда глядят горящие зеленью голодные глаза.

Возле дерева, которого почти не достигал свет догорающего костра, замер высокий мужчина. Он не произнес ни слова, но глаза... Зеленые, словно болотные огоньки, они мерцали, завораживали, манили.

Лесана сделала шаг вперед, но замерла, встретив невидимую преграду. Что-то мешало идти дальше, а она уже не могла противиться зовущему взору, обволакивающему, притягательному, обещающему... Девушка вспомнила: кровь! Вещая руда обережника — вот что не пускает ее за очерченный круг. А ее так тянуло к мужчине... О, как ей хотелось коснуться его! Прижаться всем телом, вдохнуть запах, почувствовать тепло, исходящее от кожи... Как долго она его ждала! Именно его! Зачем Мирута? При чем здесь Мирута, когда напротив стоит *он*! Рядом с ним можно не бояться темноты, он не даст в обиду... Мысли путались в голове, рассудок туманился, влечение становилось все сильнее и сильнее.

Незнакомец призывно улыбнулся, однако вместо того, чтобы приблизиться, поманил жертву и бесшумно отступил в чащу.

И тогда она наклонилась и торопливо процарапала ногтями землю, прихваченную последним весенним морозцем. Преграда, отделявшая людей от обитателя Ночи, рухнула.

Лесана шагнула из безопасного круга в темноту. Сердце наполнилось ликованием. Вдруг стало хорошо и спокойно. Вот она идет одна по черному лесу и ничего не боится, а впереди в кромешной тьме крадется ее спутник, в каждом движении которого проглядывает звериная хищность, волчья повадка. И он ведет ее... ведет... ведет...

Как долго они шли? Какая разница! Просто вдруг остановились, и мужчина шагнул к спутнице, притянул к себе. Она прильнула к широкой груди, ощутила запах мокрой волчьей шерсти, а на бедрах сильные руки. Сладкое томление разлилось по телу, дыхание Ходящего обжигало кожу, думать ни о чем не хотелось, да и не было сил думать.

И вдруг чудовище, прильнувшее к Лесане, выгнулось, оттолкнуло сомлевшую жертву и взревело от ярости. Чары рассеялись. Девушка отпрянула, вдыхая удушливый запах псины и пота.

В темноте сверкнуло мертвенное голубое сияние, и оборотень покатился по земле, рыча и воя, объятый призрачным свечением. С ужасом несостоявшаяся жертва узрела на человеческих плечах страшную звериную голову. Тварь упала на четве-

реньки, неестественно выгнула хребет, и одежда с треском расползлась. Волколак метнулся вперед, делая кувырок через голову. Брызнула кровь, и живая кожа лопнула, обнажая мокрую звериную шкуру.

Несколько мгновений — и на поляне стоит огромный волк. Ощеренная морда, влажные клыки... Сейчас бросится! Но голубое сияние колышущимся маревом обволокло хищника, поднимая дыбом жесткую шерсть вдоль хребта, пробегая по ней ослепительными синими искрами. Ходящий взревел, хотел ринуться вперед, но словно налетел на невидимую стену, опрокинулся на спину и заскулил от боли и ужаса — жалобно, по-щенячьи. Всякая тварь хочет жить. А оборотень уже понял — жизнь его подходит к концу.

Крефф стоял напротив. В его взгляде не было гнева. Но и снисхождения тоже. Там зияла все та же мертвая пустота, только отсветы призрачного сияния таяли в глубине зрачков. Мерцающий свет тянулся от его ладоней к волколаку, который корчился на земле и перед смертью пытался принять людской облик. Пытался, но, сдерживаемый Даром, не мог. Оборотень подохнет в обличье зверья. Только так он не встанет. Резкий взмах рук, и сопротивляющегося оборотня, словно стянутого невидимым арканом, потащило к ратоборцу. Блеснул клинок, и человек принял огромного волка на нож. Яростный рык смолк, сменившись булькающим хрипом.

Девушка осела на землю, затряслась всем телом. Никогда она не видела, как убивают нежить. Все было сделано хладнокровно, быстро и равнодушно. Лесана с ужасом поняла, что черный лес плывет у нее перед глазами. Дышать стало нечем, к горлу подпрыгнул ледяной ком, по телу выступил холодный пот. Ослушницу скрутило, содержимое желудка опасно всколыхнулось, но... наружу, к счастью, не исторглось.

Однако уже через миг задышающуюся, дорожащую от слабости и пережитого страха девку безжалостно встряхнули. Стальные пальцы сомкнулись на плече, и крефф потащил подопечную прочь из чащи к безопасной поляне.

Костер вспыхнул, словно в него плеснули масла. Мужчина наклонился к бессильно упавшей на войлок спутнице, вздернул ее за подбородок и взгляделся в лицо.

— Сказал же — не стирать кровь.

— Я...

— Сказал?

— Да... — прошептала без вины виноватая. — Но я не стира-
ла...

Она осеклась, вспомнив, как плакала, укрывшись плащом, и как смахивала слезы руками.

Больше ничего вспомнить не успела, потому что две тяжелые оплеухи оглушили до звона в ушах.

Никогда прежде Лесану не били. Никогда. Если и перепадало, так в далеком детстве, да и то для остратки. Поэтому до сего дня она не испытывала настоящей боли. Той, от которой немеет тело.

Дыхание перехватило.

— У волколаков сейчас гон. Он бы тебя и жрать не стал. Сильничал бы, а мной закусить попытался, — откуда-то изда-
лека донесся спокойный голос оберейника. — Ты едва не на-
кликнула беду на нас обоих. Это непозволительно. Ехать еще
долго, если такое повторится, отвезу обратно в деревню и бу-
дем считать, что твои соотчичи отказали крефффу.

У несчастной похолодело в груди.

— Нет! Нет! Я больше никогда...

— Молчать.

Холодные серые глаза смотрели по-прежнему без гнева. Но
отчего-то девушка почувствовала себя ничтожной и жалкой.

— Прости, господин, прости меня! — взмолилась она.

Увы, мольба осталась без ответа. Мужчина молча размотал
тряпицу на ладони, скovyрнул острием ножа корку запекшей-
ся крови и снова, роняя вещью руду, замкнул круг, который ра-
зорвала его спутница. Это все из-за нее... Дура!

Однако Лесана заметила, что он даже не поморщился, когда
вновь терзал свою рану, словно совсем не испытывал боли.

Тем временем оберейник приблизился к наказанной и
опять начертал на ее лице резы. С трудом дочка гончара сглот-
нула рвущиеся из груди рыдания.

— Позволь, перевяжу... — дрожащим голосом попросила она.

Крефф протянул ладонь. Девушка осторожно смыла с нее
кровь, поливая из фляги, про себя обратив внимание на то, ка-
кая у него жесткая и исчерченная шрамами рука. Перевязав
рану, Лесана вернулась на свое неудобное ложе. Лицо дергало,
как больной зуб. Наверное, останутся синяки. Снова захоте-
лось расплакаться.

Слезы задрожали на глазах, и тут она вспомнила, что на ще-
ках по-прежнему медленно подсыхают кровавые полосы. При-

шлось запрокинуть голову и долго усердно моргать, прогоняя желание разрыдаться от боли, запоздалого испуга, обиды на саму себя и на жизнь, которая так предательски разлучила ее со всем дорогим и привычным.

Она заснула только под утро.

В последующие два дня не произошло ничего необычного, вот только вместо домашних лепешек и вяленого мяса питались теперь путники дичиной, которую добывал обережник. Увы, зайцы, растрясшие за зиму жирок, были костлявыми, а мясо их сухим и жилистым. Но привередничать не приходилось.

За все время странствия крефф перекинулся со своей подопечной едва ли парой слов.

Молчаливое путешествие оказалось нарушено на утро четвертого дня, когда голый лес сменился полями, раскинувшимися по обе стороны от широкой, плавно несущей свои воды реки.

Огибая невысокий холм, поросший вербами, странники выехали на наезженный тракт, к которому стягивались сразу несколько дорог. По одной из них тоже трусили две лошадки.

На удивление Лесаны, ее спутник натянул поводья, ожидая приближения незнакомцев.

Когда мужчины подъехали ближе, дочка гончара поняла, что оставшийся путь до Цитадели проделают не одни.

— Мира в пути, Клесх! — приветствовал креффа колдун, сидящий на гнедом коне.

Вот она и узнала имя своего молчаливого спутника.

— Мира в пути, Донатос, — эхом отозвался обережник.

Тот, к кому он обращался, кивнул и направил своего жеребца вперед по дороге. Взгляд пронзительных колючих глаз упал на Лесану, и девушка молчаливо охнула. Колдун! Тот самый, который приезжал в их деревню после пропажи Зорянки и обносил поселение заклинанием! По коже побежали мурашки. Мужчина почти не изменился, разве только черты лица стали еще жестче и резче, да складки в уголках тонких, плотно сжатых губ пролегли глубже, а в коротко стриженных волосах и щетине на подбородке просверкивала седина.

На вид ему можно было дать весен сорок. Он годился ей в отцы. Да и не только ей, но и своему спутнику. Девушка перевела взгляд на подопечного Донатоса.

Молодой парень, года на два ее старше, колыхался в седле. Он был грузный и рыхлый. «Кровь с молоком» про такого мол-

вить — все равно что тощим обозвать. На переносице и пухлых щеках рассыпались яркие трогательные веснушки, а темные глаза смотрели с благожелательным любопытством. И веяло от него добром, уверенностью, теплом. С таким хорошо сидеть дома, в изыанном тепле, и уплетать наперегонки пироги. Что ему делать в Цитадели среди таких, как Клесх и Донатос?

Юноша тем временем направил своего конька к кобылке Лесаны и поздоровался:

— Мира в пути.

— И тебе, — ответила девушка и смешалась, не зная, что еще сказать.

— Ты не выглядишь радостной, — справедливо заметил толстяк и добавил: — Меня Тамиром зовут.

— Меня Лесаной.

Они помолчали, глядя в спины своим спутникам, а потом девушка вновь повернулась к новому знакомцу и призналась едва слышно:

— Я не очень хотела ехать.

Парень с тоской оглянулся на уходящую вдаль дорогу. Дорогу, ведущую к его дому.

— И я, — так же негромко ответил он. — Когда крефф приезжал год назад, он собирался забрать сына лавочника с нашей улицы. Сказал: «Из него выйдет толк».

— Отчего же не забрал?

Тамир досадливо махнул рукой, сжимающей повод.

— Утонул тот. Прошлой весной.

Девушка вздохнула.

— Я в Старград собирался, — расстроено продолжал юноша. — Меня родители благословили на труды в пекарню посадскую.

— А ко мне сваты должны были прийти, — грустно поделилась подруга по несчастью.

Оба замолчали, каждый печалась о несбывшемся.

Долго ехали, безмолвствуя, слушая размеренный скрип сбруи да стук копыт, а потом Донатос и Клесх направили лошадей в сторону, по узкой, убегающей в голую рощицу дороге.

В сумерках путники въехали в небольшое село. Здесь был праздник. Жаль только, гости явились к самому его завершению — мужики уже уносили с улиц столы и лавки, женщины домывали посуду.

Путников встретили с почтением, бросив все дела. Крефф

фов препроводили в избу старосты, а Лесану и Тамира определили на постой в соседний дом. К тому времени уже совсем смеркло, поэтому, как ни мечтали странники о бане, пришлось только поплескаться в ушате. Зато ужин им собрали поистине роскошный. Хозяйка хлопотала, собирая лучшие яства: наваристую похлебку, печеную рыбу, пироги.

— Да вы ешьте, ешьте, — приговаривала она. — Вот ведь радость у нас какая — дочку отдаем учиться! Уж сколько лет стоит село, никогда здесь креффы Осененных не находили. И надо же, моя Айлиша, слава Хранителям, теперь поедет в Цитадель! Людей лечить будет!

Та, о которой шла речь, сидела на другом конце стола, стыдливо потупив очи. Лесана перехватила восхищенный взгляд Тамира. Девушка и впрямь была хороша: темные волосы, забранные в две косы, вились мелкой волной, трогательно взведенные брови над огромными глазами делали лицо беззащитным и детским, а кожа у нее была чистая, нежная, с едва заметным пушком.

Будущая лекарка застеснялась материнской гордости и обхватила руками узкие плечи. От этого движения Тамир вдруг подался вперед, стягивая с себя вязаную безрукавку.

— Озябла?

Девушка залилась краской и замерла, позволяя набросить необъятную одежду поверх своей нарядной вышитой рубахи. То ли парень ей и вправду понравился, то ли не хватило смелости возразить, Лесана не поняла, но прониклась к застенчивой девушке симпатией.

Устраиваясь спать не на жесткой земле, а на устланной сеником скамье, дочка гончара впервые за последние дни вдруг подумала, что все еще, возможно, будет хорошо. Госка по дому за время странствия настолько высушила ее душу, что сейчас в ней родилась другая потребность — радоваться хоть чему-нибудь. Потому что нельзя только страдать и сокрушаться. Не на казнь же ее везут, на обучение! Вон, село Айлиши как ликует, да и сама она рада выпавшей на ее долю удаче. Интересно, кто ее крефф? С этими мыслями измученная странница провалилась в сон.

Уезжали они наутро. Креффом Айлиши оказалась молодая женщина с таким же холодным выражением лица, что и у двух ее спутников. Но рядом с обезображенным Клесхом, рядом с застывшим, словно высеченным из камня Донатосом береж-

ница смотрелась, как нежный ландыш между двух чертополохов. У нее была белая, подсвеченная изнутри нежным-нежным румянцем кожа, тонкие высокие брови и такие длинные ресницы, каких Лесана в жизни своей не видела. Казалось, моргай они быстрее и чаще — взлетит.

Однако когда красивые руки колдуньи отбросили капюшон накидки, дочка гончара едва сдержала удивленное восклицание: льняные волосы женщины оказались остриженными так же коротко, как у мужчин.

Но главное потрясение постигло будущих учеников Цитадели, когда стали рассаживаться по седлам. Крефф Айлиши оказалась одетой... в штаны. Обычные кожаные мужские штаны! Тамир густо покраснел, поскольку отчетливо увидел то место, где сходились ноги Осененной. Впрочем, она не заметила смущения юных спутников, спокойно разобрала поводья и тронула свою кобылу пятками, направляясь прочь из села.

Лесана с ужасом смотрела женщине в спину. Сама-то она, как полагается, была одета в девичью рубаху, широкую разнополку и вязаные чулки. Ей в голову отродясь бы не пришло натянуть мужские порты и в этакой срамоте появиться на людях. Но обережница спокойно покидала место ночлега, словно не замечая, как провожающие их бабы и мужики стыдливо отводят взгляды.

Креффы ехали впереди, а за ними тянулись будущие ученики.

Жеребец Тамира шел стремя в стремя с Айлишиным, и юноша уже о чем-то негромко беседовал со спутницей. Лесана почувствовала себя брошенной. Нет, не потому, что уже забыла Мируту, просто ей стало одиноко оттого, что она была лишней рядом с этими двумя. К счастью, Айлиша, почувствовав ее уныние, придержала коня и поравнялась с новой знакомой. Она еще накануне заметила, что у Лесаны на щеках темнеют следы застарелых кровоподтеков.

— Хочешь, полечу? — предложила, зардевшись от собственной смелости.

— А ты можешь? — удивилась спутница.

Она-то сама ничего эдакого не умела, да и не думала никогда, что спит в ней какой-то особенный дар.

— Чуть-чуть, — призналась девушка, краснея еще гуще, — но синяки уберу.

— А больно будет? — с детской робостью осведомилась Лесана.

— Нет, — замахала маленькими ладошками Айлиша. — Дай руку, не бойся.

Дочка гончара протянула ей ладонь, и от пальцев до скулы словно пробежали по крови пузырьки воздуха. Щекотно!

Но вот Лесана недоверчиво прикоснулась к щеке и восхищалась:

— Не болит! Совсем!

— Я знаю, — потупилась будущая лекарка. — Я так скотину лечила...

И тут, поняв, что сказала глупость, покраснелась пуще прежнего, а Тамир отчего-то посмотрел на Лесану с такой гордостью, словно сам избавил ее от синяков.

Оставшиеся дни пути прошли незаметно и однообразно. С той лишь разницей, что теперь место ночлега заговаривал Донатос, и Лесане больше не приходилось засыпать с измаранными в крови щеками. Колдун читал какое-то заклинание, очерчивал привал ножом, и путники спокойно ложились.

А дочка гончара с удивлением ловила себя на том, что впитанный с молоком матери страх — очутиться ночью за пределами дома — как-то притупился. Глупо было бы, имея в спутниках троих Осененных, по-прежнему бояться Ходящих в Ночи. Да еще за день она уставала так, что засыпала без всяких сновидений, и если даже кто-то и подходил к месту их ночевки под покровом тьмы, измученные путники этого не слышали.

И еще надо сказать, целительница, которую звали диковиным именем Майрико́, вела себя так же, как и мужчины. Спутники не пытались облегчить ей, нежной и хрупкой, тяготы пути. Впрочем, несмотря на свою кажущуюся уязвимость, крефф Айлиши не была слабой. Она одна уходила вечером в чащу, и — о, ужас! — даже без стеснения переодевалась при мужчинах, демонстрируя восхитительное нагое, белое, словно кость, тело. Тамир каждый раз заливался такой отчаянной краской, что становилось страшно, — не брызнула бы из щек кровь.

Последний день странствия выдался не по-весеннему теплым. Солнце грело так ласково, словно на смену месяцу таяльнику пришел даже не зеленник, а сразу цветень. Теплые свитки показались жаркими, как овчинные тулупы, и будущие выучи с облегчением сбросили их, втайне радуясь, что не видят матери, которые обязательно бы принялись бранить. Креффам же было все равно, а Лесана с Айлишей, пользуясь тем, что никто

из деревенских кумушек не закудахчет над ухом, сняли с голов платки и даже слегка распустили волосы.

Тамир нет-нет да украдкой бросал взгляды на своих спутниц, невольно сравнивая их друг с другом. Чего, казалось бы, разного, эта — девка, и эта — девка, по две руки, по две ноги, по косице у каждой. Вот только если дочка гончара — румяная, сдобная, мягкая, словно только что вытащенный из печи каравай, — вызывала в душе юного пекаря теплое любопытство, то юная лекарка с нежным румянцем, подсвечивающим смуглую кожу, с темными завитками волос над открытым лбом, казалась сладким коржилом.

Он и смотрел на нее, как на дивное лакомство, когда и ответить хочется, и страшно прикоснуться. Вот отчего так? И юноша простодушно гадал про себя — в чем же дело? Смотрел то на одну, то на другую, но ответа не находил.

Если бы только они с Айлишей познакомились не здесь, а в его родном городе! Она бы и знать не знала, что на лошади он сидит, словно куль с горохом.

Парню впервые стало мучительно стыдно за свою неуклюжесть, за полное, колышущееся в седле тело. Эх, судьба-злодейка, отчего же не может он показаться этой девушке с другой стороны?

В Елашире Тамира, сына пекаря Строка, знали как умелого хлебопека. Говорили, парень отцово мастерство перенял едва ли не тогда, когда ходить научился. Сколько знали его, или сидел у кадки с опарой, или тесто месил, или пироги лепил. Да и сам был сдобный и круглолицый, как оладушек. Но какие пироги спроворить мог! Слава о них по всему городу шла, да такая, что сам посадник Хлюд не брезговал покупать печево юного Строковича. А уж ежели гости торговые приезжали, парень вовсе от печи не отходил. Пряники его медовые увозили целыми коробами.

Угостить бы Айлишу тем пряником, чтобы не казаться ей совсем уж никчемным. Чего греха таить, понимал Тамир, что такие, как он, скорее смех вызывают, нежели восхищение. Сколько раз в детстве лупили его за неповоротливость и лишнее тело городские сорванцы! Матушка едва не каждый день слезы лила, прикладывая к синякам и ссадинам ненаглядного дитятка подорожник.

Когда же Тамир подрос, отец мало-помалу стал приобщать его к родовому делу. Тут-то и проявили себя крепкие строков-

ские корни. Руки у мальчишки оказались золотые. Кто знает, может, так и трудился бы Тамир в отцовской пекарне, радуя соседей то сдобными жаворонками, то медовыми пряниками, то пирогами. Но приехал однажды в Елашир хлебопек по имени Радим. Приехал ажно из самого Старграда. Отведал, гостевая у родни, коржей из Строковой лавки, и сомлел.

Соседка Строку рассказывала, округляя глаза и размахивая руками: «Глаза-то закатил и спрашивает Стеньку мою, мол, это кто же вам такое лакомство спроворил? Она когда сказала, что парню твоему и семнадцати не сравнялось, не поверил, окаянный. Говорит: «Брешешь!»

Радим, видать, и впрямь решил, будто родня лукавит, ибо уже вечером стучался в Строковы ворота. Долго уговаривал старградский пекарь родителей отдать Тамира. Старград — большой и богатый. Один посадский двор чуть не с треть Елашира, и хлебопек толковый там нужен. На золоте есть и спать будет парень, если пойдет под Радимову руку.

Но мать с отцом уперлись: как же отпустить кровиночку в такую даль, мало ли что в дороге случится с драгоценным аль на чужбине? Вдруг да обидит кто? Но сын глядел на родителей большими глазами, и у отца с матерью не набралось воли отказать вовсе. Попросили Радима хотя бы дождаться дня вступления парня в возраст.

Знать бы, чем это обернется...

Спустя весну настал для Тамира день прощания и с отчим домом и с Елаширом. Родители снарядили сына в дорогу. Ехать Тамиру предстояло с купеческим обозом до самого Старграда, где ждал парня Радим.

У матери уже и слез не осталось плакать, даже отец весь как-то сжался, за вечер состарившись на десяток лет, а у сына сердце разрывалось между мечтой и долгом. Елашир что? То ли дело могучий многолюдный Старград!

Вот уже щелкнули кнуты, головная телега медленно тронулась, когда на площадь въехал крефф.

Парень первый раз видел наставника Цитадели и удивился тому, какой тот оказался... неживой. Лицо застывшее, а вот глаза... Ох и злые они были! Шумная площадь стихла. Колдун обвел тяжелым взглядом смолкших людей и, не обронив ни слова, направился в дом посадника.

— Принесли его псы, не мог позже приехать, — выругался в сердцах хозяин обоза и, скрепя сердце, велел распрягать лоша-

дей. Все одно, пока крефф в городе, уезжать строго-настрого запрещается.

Весь день недобрым словом поминали купцы и горожане сына лавочника, Жупана, что сдуру утонул, доставив соотчикам немало хлопот. Когда солнышко на весну поворотило, поленился этот пустоголовый дойти до мостков, что соединяли два берега текущей через город речушки. Поперся по льду. А тот возьми да проломись, только трех овчинный и мелькнул.

Ох и матерились тогда мужики, кроша рыхлый лед топорами да пешнями. Никому не хотелось лезть в студеную воду вылавливать утопленника. Но отогревались у костров, пили горькую и снова спускались в стылые полыньи, потому как понимали — ничего нет страшнее не погребенного по обряду тела. Получишь через три дня живого мертвяка. Будет бродить тут, поживы искать. Да и река, не дай Хранители, запаршивеет, замутнеет, затухнет. А за ней и все колодцы в городе. И что тогда? Покидать отчие дома, оставлять обжитое место Ходящим в Ночи? И все из-за одного дуболома. Потому и лезли елаширцы в ледяную воду. Матерились, но лезли. Деваться-то некуда...

Можно было, разумеется, позвать колдуна, дожждаться, куда он дохляка своими камланиями со дна подымет и упокоит чин чинарем. Но сколько денег на то надо? Лучше самим попытаться. Свой хребет трещит, а серебра не просит. К вящей радости всего города, получилось. Вытащили стерву. Все по укладу.

И вот, значит, явился крефф. За Жупаном. А Жупан утоп. И схоронен уже несколько седмиц как. Спит себе, окаянный, с миром, чтоб ему провалиться.

Только родители Тамира радовались приезду колдуна; как-никак, а подарил им малую отсрочку, задержал сына дома. Лишь парню было маотно. Он так долго ждал, а теперь что? Опять сидеть. Пока еще крефф найдет ученика... Эх!

Смотрины обережниковы тянулись день за днем, и, казалось, не будет им конца. На исходе седмицы собрали, наконец, всю Тамирову улицу на небольшом пяточке перед домом посадника. Крефф равнодушно осматривал стоящих перед ним людей, переводя взор колючих глаз с одного лица на другое. Тамир переминался нетерпеливо, скорей бы уж закончилось все, да и ехать... Но колдун вдруг впился в него взглядом и кивнул:

— Этот.

У матери подломились ноги. Отец и тот покачнулся, раздирая на груди ворот рубахи. Хлюд скороговоркой пробормотал

благодарственную здравицу, а крефф, которого он называл Донатосом, велел через пол-оборота быть готовым выехать.

Подорожную суму собирать не пришлось, она и без того за лежалась за столько-то дней.

Толком не попрощавшись с родителями, так до конца еще и не поняв, что все-таки произошло, Тамир оказался за воротами Елашира.

...Он как будто оцепенел, а в голове не осталось мыслей. Пустота. Потому что не мог рассудок воспринять такое откровение. Он, Тамир, сын пекаря Строка, единственный ребенок своих родителей — толстый, хворый, нескладный, постоянно мучающийся одышкой, и вдруг... Осененный? Быть такого не может!

Но даже своим окаменевшим сознанием парень понимал — креффы не ошибаются. Никогда. И если его выбрали, то впереди обучение в Цитадели. А как же тогда Старград, Радим? А мать, отец — как? Вся их отрада — сын. А тут — разлучиться на пять лет! Да переживут ли они? Одно дело знать, что единственное дитя в тепле и сытости, а другое — в Цитадели обучается, не пойми на кого.

Вот тогда набрался несчастный смелости спросить у молчаливого спутника, кем суждено ему стать. Донатос посмотрел на него своими оловянными глазами и сказал:

— Первый год никем. А дальше поглядим.

Почему-то эти слова успокоили парня. Чего, спрашивается, всполошился? Поди, отправят к целителям учиться припарки ставить да зелья варить. Почему к ним? Да потому что, прямо скажем, ратоборец или колдун из Тамира получится Ходящим на смех. А целительство — дело небось нехитрое. Если уж хлеба месит, то сварить травяную настойку как-нибудь сумеет. Так думал юный странник.

А покамест лежала перед ним дорога. И дорога эта тянулась через лес.

Никогда ранее парень не был в такой глухой чащобе. По чести сказать, он боялся леса. Однажды, когда ему было, должно, весен пять, мать взяла сына по клюкву. Тогда был знатный урожай ягод, бери — не хочу, целыми кузовами. И женщина собралась пополнить запасы.

Долго тогда ходили они по упругой мшистой земле, и мальчик смотрел, как в лунки его следов набирается черная вода. Угрюмо шумели высоко над головой сосны, и незнакомая пти-

ца кричала в ветвях. А воздух был сладкий-сладкий, слаще земляники, которую он так любил.

Как уж так получилось — кто теперь скажет, но Тамир, залюбовавшись и заигравшись, отошел от ползающей на четвереньках матери. Кочка, пригорок, трухлявый пенёк, развесистый папоротник, старый замшелый выворотень, и вдруг — сразу по грудь в холодную вязкую жижу!

От ужаса даже закричать не смог — дыхание перехватило, особенно когда скудным детским умишком понял, что под ногами нет дна, а только ледяная муть, неумолимо затягивающая в трясину. Жадная топь стиснула ребра, сдавила грудь, мальчик закричал, срывая голос, забился, чувствуя, что стало тянуть еще сильнее, еще неумолимее...

Мать прибежала вовремя, по самый подбородок засосало дитя прожорливое болото. Еле удалось вытащить несчастного — грязного, испуганного, хрипящего, с трясущимися губами и дорожками слез на пухлых щеках.

Тамир навсегда запомнил то отчаяние, одиночество, жадные объятия трясины и... равнодушный шум леса, которому было все равно — умрет несчастный мальчишка или останется жить. Помнил он запах прелой земли и тухлой воды, запах травы и хвои. С той поры мать более не брала единственное дитя в лес. И сама не ходила. Тоже, видать, натерпелась. Бруснику, клюкву, чернику и землянику покупали на торгу.

И вот чаща. Тихая, умиротворенная... Но все равно кажется, будто каждая веточка норовит зацепить за одежду, а каждая кочка — выбить неуклюжего наездника из седла. Но все-таки только когда остановились на ночевку, а Донатос очертил бережный круг, Тамиру стало по-настоящему страшно.

Крефф спокойно спал, а его найденыш лежал и, обмирая, слушал, как где-то воеет невидимая тварь, как шуршит валежник под чьими-то то ли ногами, то ли лапами, видел, как в нескольких шагах от стоянки горят голодом зеленые глаза. А еще казалось, будто кто-то зовет Тамира, тоненько, ласково, напевно.

Он ежился, крепко зажмурился, надеясь уснуть, но с закрытыми глазами делалось только страшнее. Так и чудилось — тянутся из тьмы жадные руки Ходящих. Сам того не замечая, паренек стал тихонько поскуливать от ужаса, зарываясь носом в шерстяную накидку. Донатос тут же поднялся, подошел к подпечному и, вполсилы пнув его ногой в живот, прошипел:

— Заткнись, пока язык не вырвал! Никто тебя не тронет, а спать не дашь — мигом за круг вышвырну!

И, еще раз пнув дурня под ребра, колдун вернулся на свой войлок.

А Тамир так и не сомкнул глаз; примеривался к боли, оставленной грубыми сапогами креффа, да держался за оберег под рубахой. Наутро, когда странники покидали место стоянки, юноша заметил недалеко от обережной черты растерзанного зайца.

Да... Тяжело далась дорога: жгла сердце тоска, разъедали душу сомнения и страхи. Потому встреча сначала с улыбочивой, теплой, такой домашней и такой обыкновенной Лесаной стала для измученного опасениями и недосыпом парня настоящей отрадой. А уж знакомство с застенчивой, тоненькой, словно камышинка, Айлишей и вовсе окрылило отчаявшегося было Тамира. Отчего-то вдруг пригрезилось, как они вместе будут учиться на лекаря...

2

Высокие, обитые железом ворота были черны от старости. Но дерево не рассохлось, а наоборот, словно закаменело. Такие не вдруг выломаешь, их и отворить-то недюжинная сила потребуется.

Путникам открыли после третьего удара. Два крепких молодых парня медленно, с усилием разводили створки. Тамир заметил, как Донатос презрительно дернул уголком рта и сказал одному из привратников:

— Что, Велеш, пока меня не было, небось ничего тяжелее своего... не поднимал?

У Тамира запольхали уши. Он и подумать не мог, что мужчина — крефф! — может сказать такую срамоту при трех девках.

Клесх только хмыкнул. А парень, которому было брошено это грубое замечание, сказал учтиво:

— С возвращением, наставник.

Путники неспешно въехали во двор Цитадели.

Лесана разинула рот. Ей, выросшей в деревне, было непонятно, *как* такие стены вообще могли возвести? Это ж какую силу надо иметь, чтобы на самую верхотуру затаскивать огромные булыжники? Это ж сколько камня требуется и где

его взять? Невдомек было девчонке, что в окрестном лесу была каменоломня, в которой частенько ломали спины наказанные за проступки выучи.

Поэтому пока ее изумляло все. И высокие башни, и каменный колодец посреди двора, и булыжная мостовая, и даже мощные столбы, врытые вдоль стен. Правда, зачем они нужны, понять не удалось.

А еще по стенам здесь полз бурый лишайник и мох, какой водится в лесу, там, где торчат из земли каменные лбы слоистых валунов.

В Цитадели не было зелени. Ни травинки, ни выюнка. Здесь все дышало холодом, и каждый негромкий шаг отзывался гулким эхом. Надежный оплот, который не разрушить. Высокие стены, которые не преодолеть. Огромные ворота, которые в одиночку не отворить.

Девушке казалось, будто она попала в какую-то небывальщину. Небывальщину, где не надо бояться Ходящих. Вот дуреха-то, а она еще не хотела ехать! Чего, глупая, боялась? Непонятно. И странница радостно улыбалась, вертя головой направо и налево, однако тяжелый взгляд Клесха несколько охладил восторженный пыл деревенской простушки.

Но все-таки до конца побыть серьезной Лесана не смогла. Соскользнув со своей пегой кобылки, она ступила на мощный двор. Казалось, вот она, сказка! Вот оно, чудо! Даже сердце зашлось.

Но вдруг быстрые тени замелькали над головой и ржавый клекот эхом полетел над Цитаделью. Лесана в ужасе распахнула глаза, и в них отразились парящие кругами черные птицы. Вóроны... Предвестники смерти, падальщики. Их хриплый грай упал с неба, рассыпавшись эхом.

Откуда здесь эти мерзкие птицы? И почему их никто не прогонит? Холодный пот заструился меж лопаток. Все знают, где кружит ворон — ходит смерть. Словно издалека девушка услышала скрежет опускаемой решетки ворот. На душе отчего-то сразу стало холодно и маотно. Будто захлопнувшиеся ворота навсегда отрезали трех новых насельников Цитадели от привычного мира. Там, за стенами, осталась весна с ее талой водой, первой пробивающейся из разопревшей земли зеленью, и синим, будто бы подкрашенным лазурью, небом. А тут во дворе вдруг повеяло унылой осенью.

Серая мостовая. Серые, покрытые седым мхом стены и кры-

ши. Даже крохотный пятачок неба, едва виднеющийся из-за спицей башен, теперь казался бесцветной заплаткой, грозящей в скором времени осыпаться на землю морозящим дождем. И отовсюду вдруг запахло сыростью, стынью и каким-то осязаемым отчаянием, которое словно свило гнезда в древних камнях.

Один из вóронов слетел вниз и, опустившись на крышку колодца, устался на Лесану блестящими и переливчатыми глазами. Девушка попятилась, привычно стискивая ладонью оберег, подаренный женихом. Неужели вóрон, которого еще называют вестником Ходящих, почувал в ней скорую жертву?

— А ну, пошел отсюда! — крикнула Айлиша и замахнулась на птицу.

Ворон лениво снялся с места, но улетел недалеко, опустил ся на один из столбов, откуда громко и пронзительно каркнул несколько раз, словно насмехаясь над слабой попыткой его напугать.

— Откуда они здесь? — помертвевшим голосом спросила Лесана.

— Чего ты испугалась? — ободряюще потрепал трусиху по плечу Тамир. — Подумаешь, птица.

Но, несмотря на эти слова, он и сам был бледен.

— Хватит языками трепать, — прервал разговор подошедший Клесх.

Позади креффа стоял высокий светловолосый и светлоглазый юноша, облаченный в черную рубаху и черные же штаны.

— Фебр, выдашь им одежду, отведешь к хрычовке нашей, потом в мыльню, затем к целителям, в трапезную, а как поедят, проводишь в крыло для первогодок и поселишь. Быстро давай. Мы и так последние приехали.

Парень коротко кивнул и поманил новоприбывших следом. Торопливо все трое двинулись за ним. Нырнули в тень высокой арки, миновали несколько каменных переходов и по длинным коридорам, освещенным лишь яркими полосками света, падающими в узкие окна, поспешили вглубь Цитадели.

Коридор круто спускался вниз, и скоро оконца заменили чадающие факелы. Айлиша прислушивалась к эху шагов и шепотом недоумевала на ухо Лесане:

— В мыльню-то я еще понимаю, а что за хрычовка и зачем к ней идти?

— Косы стричь, — не поворачивая головы, сухо просветил их провожатый.

— Как стричь? Мы же девки! — задохнулась от ужаса дочка гончара, а будущая целительница замерла как вкопанная.

— Вы теперь не девки, а послушницы Цитадели. Нет тут ни девок, ни парней, лишь будущие обережники. И волосы им — только помеха, — остановился старший ученик.

— Это что ж, нам еще и в портах ходить, и мыться с вами? — помертвела Лесана.

— В портах — само собой, а мыться... Ну, ежели только захочешь, чтобы спинку потеряли, а так — отдельные мыльни, — хохотнул парень и уже строже добавил: — Давайте шевелитесь, а то в первый же день накажут. Быстро поймете, как сопли жевать.

И они снова устремились куда-то вниз.

Скоро коридор вывел их к невысокой двери с железным кольцом. Фебр привычным движением потянул на себя тяжелую створку и втокнул спутников внутрь, в небольшую каморку с пышущей печью. После промозглых коридоров Цитадели здесь показалось почти жарко.

Девушки недоуменно оглядывались, когда из темного угла послышался скрипучий голос:

— Никак креффы новых дур привезли! Ну, чего глазами лупаете? Идите сюда. Стоят, зенки вылупили...

Согбенная худая старуха приблизилась к перепуганным девкам, пристально оглядывая каждую слезящимися выцветшими глазами.

— Чего трясетесь? Меня, что ль, старую, испужались? Хороши, ничего не скажешь, при виде бабки беззубой едва не визжат. Ну, чего встали? Сюда идите, дурынды, кому говорю.

Айлиша вместо ответа тихонько заскулила, отступая за спину Лесаны.

— Цыц, курица! Пока я тебе язык вместо волос не оттяпала! — рявкнула старуха и, схватив застывшую целительницу за косу, под самый корень отмахнула девичью красу.

Несчастливая медленно подняла ладони к ставшей неожиданно легкой голове, запустила пальцы в короткие волосы, и тяжелые слезы поползли по ее щекам. Еще несколько взмахов огромных ножей, и Айлиша стала похожа на своего креффа.

— Не дамся! — сжала кулаки Лесана и отступила к стене.

И тут же крепкие руки схватили сзади за плечи и стиснули. Фебр не собирался терпеть чужую дурь. А бабка подскочила к строптивнице и отвесила затрещину. И всего через миг тяжелая

русовая коса, которую украдкой так любил целовать и гладить Мирута, упала на грязный пол. Потом посыпались и волосы.

— Не дрыгайся, ты, куропатка бешеная, не то в плешинах вся будешь, — приговаривала злобная хрычовка. — Чем короче, тем лучше, в глаза патлы лезть не станут.

Через несколько мгновений хватка рук Фебра на плечах Лесаны ослабла, а старая мучительница, шаркая ногами, смела то, что еще недавно казалось невысказанным подстричь хоть на вершок, в огромный совок и повернулась к Тамиру.

— Ну, тебя-то, толстомясый, держать не придется? Аль тоже реветь начнешь? — едко поинтересовалась обитательница каморки, подступая к парню.

Он вздохнул и покорно опустил на низкую скамеечку. Его старуха остригла еще короче, чем девушек. Закончив, бабушка собрала волосы и бросила в печь. Туда же полетели и кузовки со скарбом, привезенные из дома.

— Эта дребедень ни к чему вам больше, — заявила старуха в ответ на обиженные возгласы троих новичков. — Цитадель накормит, напоит, оденет, обует и спать уложит. На ваш век хватит. Нурлиса пожила, Нурлиса знает. Все, пшли вон отсюда! Ну? Чего рты раззявили? Надоели, сил нет! — И старуха вытолкала полуживых от страха и унижения девушек за дверь. Парни вышли следом.

— Мне нравится, ты на одуванчик похожа, — ласково утирая текущие по бледным щекам слезы, прошептал захлебывающейся от рыданий Айлише Тамир. Он-то по своим волосам не особенно убивался.

— А я на кого похожа? На сову лупастую? — всхлипнула Лесана.

— Ну на какую сову, скорей на совенка, — улыбнулся юноша.

— Вы сейчас на мертвяков похожими станете, если не поторопитесь! — отвесив утешителю подзатыльник, прикрикнул ненавистный Фебр.

И опять они торопливо зашагали по бесконечным мрачным коридорам.

Скоро обоняние Айлиши уловило запах воды, а потом все тело ощутило подступающую удушливую влажность.

В узкой одевальне было полутемно, там стояли длинные лавки, а в стены были вбиты деревянные колышки, видать, для одежды.

Фебр подтолкнул сробевших девок и, сунувшись в тяже-

лый ларь, стоящий у стены, выудил оттуда три холщовых мешка, которые и вручил своим подопечным.

— Там мыльный корень, мочало, холстина, одежда. Помоесть, переоденетесь, и на выход.

— А зачем пожитки наши отобрали? — робко спросил Тамир, припоминая, что на дне его сумы еще оставались черствые пряники.

— Кто вас знает, чего вы приперли? Нажретесь еще пирогов каких тухлых, лечи вас потом. А одежда тут все равно у всех одинаковая, — скупое пояснил старший выуч и указал парню пальцем на левую дверь: — Тебе туда. Или с девками плескаться собрался?

Тамир мучительно покраснел, прижал к груди выданный мешок и исчез в указанном направлении. А его спутницы принялись торопливо раздеваться.

Мыльня оказалась огромной. Царство воды и эха. Никакого сходства с деревенской баней — просторная каменная зала и два котла по углам, с холодной и нагретой от печи водой. Здесь же громоздились деревянные лохани, лежали на осклизлых полках черпаки, и над всем этим плыл липкий пар.

— У меня в коробе зеркальце было, — намыливая голову, сетовала Лесана.

— А у меня мед, — всхлипнула Айлиша, с ужасом понимая, что разорвалась последняя ниточка, связывающая ее с домом.

— Долго вы еще? — в клубящийся паром зал сунулась голова Фебра.

Ответом стал дружный визг и полетевшие в охальника молчалки.

— Хорош орать, бегом одеваться, — словно не замечая распаренных нагих тел, ровно сказал парень и прикрыл дверь.

Девушки опрометью бросились исполнять приказание. Кое-как промокнули воду жесткими утирками, еле натянули на влажное тело порты да рубахи из небеленого льна и кинулись в коридор. Уши пылали, глаза жгли злые слезы. Лесана так вообще хотела подойти и выбить наглецу зубы. Но вдруг вспомнила, как равнодушно переодевалась по пути в Цитадель Майрико, и задумалась. В крепости словно не помнили заветов прадедов, словно жили по какой-то иной правде, срама не ведая.

— Стыд-то какой! — тихонько стонала Айлиша. — Как в глаза-то теперь ему смотреть, окаянному!